

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

СВИНЦОВАЯ ВОЛЯ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий.
Ш25 Свинцовая воля / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194595-4

В послевоенном Ярославле неспокойно. В местном селъпо убита продавщица и находившаяся там покупательница. Чуть ранее зверски зарезан пожилой мужчина, обезглавленный труп которого убийцы сбросили в выгребную яму. Чтобы прекратить кровавый беспредел, оперативники внедряют в банду лейтенанта угро Илью Журавлева. Ему удастся войти в доверие к главарю и выведать, что в ближайшее время готовится ограбление железнодорожного вагона с дорогими мехами. Подходящий случай, чтобы накрыть сразу всю шайку. Илья спешит сообщить о предстоящем деле своим, не подозревая, что сам уже давно «на крючке» у головорезов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194595-4

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Первая послевоенная весна не была похожа на прежние. Лизе казалось, что воздух наполнен нежной хрустальной свежестью, пронизан тонкими ароматами цветущих деревьев, — она дышала и никак не могла им надышаться. И было удивительно, что на старых развалинах взорванного при вражеском налете авиабомбой пятиэтажного дома неведомо каким чудом пробился слабый росток голубенькой фиалки с золотистым сердечком возле тычинок.

Лиза остановилась и залюбовалась им, как будто после долгой разлуки вдруг встретила близкую подругу. Глядя восторженными глазами на робкий цветок, девушка вдруг с горечью подумала о том, что фиалку могут затоптать. С этой минуты ей не стало покоя. Худенькая, с нескладной фигурой, она была похожа на подростка, Лиза в свои семнадцать лет сполна испытала адские муки военной поры, которые не каждому взрослому под силу выдержать. Она по себе знала, насколько хрупка человеческая жизнь: а тут всего лишь обычный цветок на ломком стебельке. Мучительно больно было даже мысленно представить, что цветок может запросто пострадать

от людской черствости, и она тщательно обложила его камнями. Расставаться с первой увиденной этой весной фиалкой все равно не хотелось, но Лиза то-ропилась на работу.

— Я вернусь, — вслух пообещала девушка и испуганно оглянулась, чтобы кто-нибудь из случайных прохожих не подумал, что она тронулась умом, раз разговаривает с неодушевленным предметом. — «Ну и пускай», — сейчас же решила Лиза и нарочито нахмурила белесые брови, плотно поджала шелушившиеся от сухости тонкие губы, за которыми прятались слегка кривые мелкие зубы, начавшие заметно крошиться от постоянного недоедания и отсутствия витаминов. — «Ну и пускай! — капризно повторила она и сердито топнула тонкой ногой в обвислом коричневом чулке. — Мне-то что от этого?»

Лиза в последний раз бросила ласковый взгляд на фиалку и резво побежала к магазину «Продукты», где с недавних пор работала продавщицей. Громко стуча по выбитому серому асфальту твердыми каблуками тяжелых башмаков, придерживая развевающиеся полы старенького материнного пиджака, она бережно держала авоську со своим скудным обедом: аккуратно завернутый в пожелтевший от времени клочок газеты «Правда» подсохший кусочек ржаного хлеба и полбутылки козьего молока, тщательно заткнутой самодельной газетной пробкой. (Молоко мать третьего дня выменяла на базаре на самосад, несколько фунтов которого у нее хранилось еще с довоенной поры.)

Продуктовый магазин располагался в старинном двухэтажном особняке на углу улиц Интернациональной и Базарной. До революции дом принадлежал купцу первой гильдии Аносову. Первый этаж обширного особняка был добротнo выстроен из красного прочного кирпича, второй же был надстроен из могучих дубовых бревен. Сейчас в этом основательном строении, которое уцелело даже под ожесточенными бомбежками немецкой авиации и которое, по всему видно, простоит еще не один век, были устроены коммунальные квартиры. В них проживали рабочие и простые служащие Страны Советов.

Сам магазин занимал небольшое помещение на первом этаже, где купец когда-то держал торговую лавку. Здесь и сейчас на окнах были кованые решетки, а располагавшаяся с торца входная дверь из толстого железа выглядела громоздкой, как у бронированного сейфа. Тем не менее она открывалась с невероятной легкостью и без малейшего скрипа, поскольку петли были от души смазаны вонючим солидолом, который хозяйственная Лиза раздобыла у одного военного шофера, выменяв на шкалик водки.

— Здравствуйте, баба Мотя, — звонко поприветствовала она пожилую дворничиху, заметив ее согбенную фигуру в сером линялом халате, стоявшую у кучи собранного мусора, и быстро направилась в ее сторону, на ходу интересуясь: — Петр-то чего ваш пишет? Домой не собирается?

Женщина аккуратно высыпала содержимое совка в ржавое, изрядно погнутое ведро и оставила его там же. Держась за поясницу, с трудом разогнулась и со вздохом ответила:

— Обещает скоро приехать. А там кто его знает... — губы у нее мелко-мелко задрожали, она вдруг всхлипнула и, вытирая кончиком платка повлажневшие глаза, негромко проговорила: — Который год жду, все глазоньки выплакала...

— Теперь-то чего реветь, — насупилась Лиза, которая слез не выносила по причине того, что всего лишь за один холодный мартовский прошлогодний месяц успела наглядеться столько ужасов и человеческих страданий, что их вид вызывал у нее отвращение. — Победу дождались, радоваться надо.

— Своего вот родишь, тогда узнаешь... — женщина опять всхлипнула, но уже заметно сдержаннее, — как они, детки-то, достаются. — Она из-под белесых ресниц окинула мокрыми глазами худенькую фигурку девушки, которая стояла напротив, от неловкости пиная мосластыми коленками авоську с обедом, и неожиданно улыбнулась: — Вот вернется мой Петька, я его на тебе женю... Пойдешь аль нет?

На острых скулах девушки выступил густой румянец, видный даже сквозь смуглую загорелую кожу. Она смущенно переступила с ноги на ногу, неопределенно пожала костлявыми плечами.

— Чего ж ты зарделась-то, как маков цвет? — спросила дворничиха, с любопытством наблюдая за ее изменившимся лицом с ввалившимися в темные

СВИНЦОВАЯ ВОЛЯ

глазницы воспаленными от жизненных тягот большими глазами. — Аль тебе мой Петька не по нраву? У него и медаль «За отвагу» имеется, — не утерпела она, чтобы не похвастаться.

— Почему же это не по нраву, — неохотно разлепила спекшиеся губы Лиза, искоса поглядывая на будущую свекровь, как бы еще не вполне доверяя ее словам. — Видела я его фото... вполне себе симпатичный парень. Только вы шутите, баба Мотя.

— Ну, вот еще, — наигранно возмутилась повеселевшая дворничиха, — буду я шутить. С чего бы мне это... шутить. Я вполне отдаю себе отчет... о чем гуторю.

— Баба Мотя, — вдруг спохватилась Лиза и предложила: — А хотите я вас козьим молоком угощу?

— Что ты, милая, — поспешно отмахнулась женщина. — Пей сама. А то и так выглядишь как таловая тростинка, насквозь вся просвечиваешься. Мне-то особо торопиться некуда. Сейчас домой схожу, чайку попью и дальше за работу возьмусь. С самого спозаранку еще во рту маковой росинки не было. Ну, так что ты надумала по поводу моего Петьки? — все ж не утерпела женщина, чтобы еще раз не поддеть девушку, которая ей и в правду нравилась: дюже она уж характер имела доброжелательный и собой была очень душевная. — Идешь за него замуж или мне надобно другую невесту ему приглядывать?

Лиза стрельнула на нее вспыхнувшими, словно просветленными глазами, затем потупилась и негромко призналась:

— Пойду... отчего не пойти... он у вас вон какой...

Но какой у нее сын, дворничиха так и не узнала, потому что девушка не договорила, внезапно сорвалась с места и прытко побежала к дверям магазина. Она торопливо поднялась по высоким дощатым ступенькам, вынула из кармана пиджака завернутый в носовой платок ключ и принялась зубами лихорадочно развязывать тугой узел. Руки у нее от волнения крупно дрожали, она даже пару раз уронила ключ, когда пыталась отомкнуть увесистый амбарный замок.

— Ох, уж эта баба Мотя, — хрипло бормотала Лиза, — придумает такое!.. Все бы ей шутить!.. Тоже мне, сватья нашлась!.. Мне и восемнадцати нет, чтоб... замуж выходить!.. Ой, и насмешница... прямо каких поискать!.. Его еще надо дожждаться!.. А потом... потом видно будет!.. Я, конечно, не против... Кто ж будет против того, чтобы замуж выйти?! Беда прямо с этой бабой Мотей!..

Дворничиха еще немного постояла, наблюдая насмешливым взглядом за суетливыми движениями девушки, затем, дождавшись, когда она наконец-то отомкнет замок и скроется в помещении магазина, протяжно вздохнула и сокрушенно покачала головой.

— Беспокойная нынче молодежь пошла, — произнесла она вполголоса, тепло улыбаясь одними глазами. — Слова им не скажи, разом вспыхнут... как будто полымем их обдаст.

Она подняла полное мусора ведро, и, согнувшись под его тяжестью на одну сторону, не спеша

направилась к парадному подъезду двухэтажного особняка, где занимала одну из небольших комнат в коммунальной квартире. Оставив ведро и метлу в крошечной пристройке для хранения хозяйственного инвентаря на первом этаже, дворничиха, держась за облупленные от краски перила, поднялась к себе. На общей кухне женщина поставила на старенький керогаз свой основательно закопченный алюминиевый чайник с погнутым носиком. Сев за угловой шаткий столик, накрытый облезлой клеенкой с некогда желтыми, а теперь мутными подсолнухами, она уронила тяжелые, раздавленные многолетней работой руки на колени, и стала терпеливо дожидаться, когда он закипит.

Тем временем Лиза влетела в магазин, быстро закрыла за собой дверь, плотно прижалась к прохладному металлу спиной и потным затылком. Она чувствовала, что сегодня сердце билось у нее не как всегда, а трепыхалось испуганным воробышком, нечаянно угодившим в силки, готовое в любую секунду выпрыгнуть из ее тщедушной грудной клетки с двумя небольшими выпуклостями вместо полноценных грудей, которые бывают у настоящих женщин.

«Это ничего, — тотчас подумала она, — я еще юная и не набралась соку. Да и еда скудная. А вот выйду замуж, так и у меня груди вырастут».

Она счастливо засмеялась, порывисто откатнулась от двери и, оставив авоську с обедом на табурете, пробежала за прилавок, где в простенке между пыльными окнами был кое-как прикреплен ржавы-

ми гвоздями небольшой осколок зеркала, недавно найденный ею в разрушенном авиабомбой частном доме. Лиза знала, что держать у себя и тем более глядеться в осколок ни в коем случае нельзя, чтобы не притянуть к себе все мыслимые и немыслимые несчастья, но поделаться с собой ничего не могла, потому что молодость неумолимо предъявляла свои права, и с этим приходилось мириться.

Перед зеркалом Лиза немного погримасничала, внимательно оглядывая свое некрасивое лицо с разных ракурсов, как бы оценивая его со стороны.

— Фи! — сказала она вслух, разочарованно наморщила веснушчатый носик и показала себе кончик языка, затем быстро надула щеки. — И чего это баба Мотя во мне такого нашла, — пожалала она плечами. — Разве волосы густые да волнистые, — с сомнением невнятно произнесла девушка, держа в зубах шпильки и ловко забирая свою пышную рыжую шевелюру под светлую косынку. — Ну, точно, — решила Лиза, — сама-то она седая, как лунь.

Справившись с волнением, она переделалась в старенький халат, который от бессменного ношения давно потерял свой изначальный белый цвет. Облезлый от стирки, с мутными желтыми разводами, он тем не менее выглядел довольно добротной: чистый, старательно заштопанный, с аккуратными заплатками в сильно порванных местах. Все это было делом заботливых рук хозяйственной, домашней Лизы, с особой тщательностью следившей за надлежащим

видом своей рабочей одежды, чтобы не было стыдно перед покупателями.

Сегодня же, взглянув на себя в зеркало, Лиза неожиданно впервые подумала о том, что она выглядит в своем халате очень важно, как настоящий врач. Эти ее несвоевременные мысли, по всему видно, были навеяны словами бабы Моти о ее замужестве, потому что дальше Лиза подумала о том, что после свадьбы она обязательно должна выучиться на фельдшера.

Воодушевленная внезапным порывом приобрести медицинскую профессию, которая ни в какое сравнение не идет с профессией обычного продавца, Лиза в своих мыслях пошла еще дальше. Она уже видела себя под ручку с Петром, дослужившимся до звания самого главного генерала, и в окружении множества красивых ребятишек, как вдруг от приятных дум ее отвлек бодрый женский голос, мигом вернув на грешную землю.

— Лизонька, здравствуй, дорогая!

Девушка от неожиданности вздрогнула, как будто ее внезапно уличили в потаенных нехороших мыслях. Она резко обернулась и торопливой походкой подошла к прилавку. Смущаясь от неловкости, суетливым движением обмахнула хозяйственной тряпкой и без того чистый прилавок и, должно быть, не зная, чем далее себя занять, принялась с натянутой улыбкой смахивать невидимые соринки с дубовой разделочной доски. Затем несколько раз с места на место бесцельно переложила широкий нож для рез-

ки колбасы и лишь тогда несмело подняла глаза, чтобы поглядеть в лицо первой покупательнице.

Это была невысокая коренастая женщина в розовой мятой шляпке, с цветастым шелковым платком, с нарочитой небрежностью обмотанным вокруг короткой шеи. Одутловатое лицо пожилой женщины было сильно напудрено, а морщинистые, жестко поджатые губы ярко покрашены в виде алого сердечка, над выемкой которого отчетливо виднелась из-под пудры темная щеточка усиков. Темно-синее платье с рукавами «фонарик», которое, по всему видно, давно уже не надевалось, тесно облегалo ее сбитую приземистую фигуру. На согнутой в локте руке, густо испятнанной коричневыми старческими родинками, женщина гордо держала плетеную из ивы небольшую корзинку. Это была жена профессора Серебрякова, домохозяйка Нина Васильевна.

— Дорогуша, — обратилась она к Лизе хриплым прокуренным голосом, внимательно оглядывая полупустые полки с товаром, — взвесьте мне, пожалуйста, двести граммов докторской колбасы, еще приобретите пару баночек кильки в томатном соусе, два коробка спичек и пачку соли. Думаю, этого хватит... Знаете ли, как-то трудновато сейчас с деньгами... даже профессорской семье. Лизонька, вы меня, надеюсь, понимаете, как никто другой. Кстати, папа не пишет? Как он там, на фронте?

— Папа... уже не напишет, — тихо ответила Лиза и ее расторопные до этого движения замедлились; она протяжно всхлипнула и, торопливо подтянув пальца-

ми воротник халата к лицу, промокнула мокрые глаза. — Немного он не дожил до нашей победы...

— Прости, дорогая, я не знала. Ради бога. — Женщина с виноватым видом приложила руку к своей пышной груди. — Мои соболезнования...

По худощавому лицу Лизы пробежала похожая на улыбку судорога. Она опустила глаза, покусывая губы, завернула колбасу в серую плотную бумагу, и все так же, не поднимая глаз, подала покупательнице.

— Пожалуйста.

— Спасибо, дорогуша.

Женщина аккуратно сложила купленный товар в корзинку, вновь повесила ее на согнутую руку и медленно пошла от прилавка.

Из-под опущенных ресниц Лиза видела ее толстые ноги с деформированными шишками у больших пальцев, обутые в растоптанные сандалеты. Они еще не перешагнули порог магазина, как появилась другая пара ног. Они, по всему видно, принадлежали очень стройной и высокой молодой женщине, потому что нижняя кромка платья заканчивалась выше круглых коленей, а икры ног были узкие, плотно обтянутые тонкими ажурными чулками. Дробно стуча каблуками модных туфель, красивые ноги приблизились к прилавку.

— Девушка, — услышала Лиза приятный голос новой покупательницы и, заранее доброжелательно улыбаясь, подняла глаза. Увидев до ужаса знакомое холеное лицо, она замороженно уставилась на него